Фердинанд Патэрностро

PRO MEMORIA

поэзия

Перевод с итальянского языка Ольги Равченко
Литературный редактор Галина Гатальская

Выходные данные

+

Жанр книги PRO MEMORIA – средиземноморская поэзия умиления сердца. В век, казалось бы, далёкий от романтизма, вдруг рождаются пронзительно нежные абсолютно мужские стихи – отчасти земные, отчасти космические – с естественной патиной самоиронии: гимн любви – счастливой и бесприютной.

Патэрностро – не псевдоним, что обязывает, налагая на автора ответственность за рекомендуемый сеанс поэзо-терапии от доцента кафедры «Анатомия человека» Флорентийского государственного университета, учёного-исследователя, директора анатомического театра.

!!! ВОЗМОЖНО, БУДЕТ НАДПИСЬ
ИЛИ ПОСВЯЩЕНИЕ !!!

Красота

Красотою
морской волны,
что разбившись
и не обернувшись назад,
покидает пустынный берег,
оставив до глади стекла стёртые камни;

звездою,
медвяным источником
всё исполнишь собой –
красотою, силой:
дыханием ветра и лаской.

Красотою
– дыханием, светом, Землёй –
ярким Фениксом –
в центре каждого времени:
красотою – неоднократно –
сильней и сильней
формующей счастье.

Ветры запада

Иногда выпадает море дождём,
и тогда твои губы под пляжным зонтом –
с солёным привкусом волн.

Веришь в то,
что на самом деле
ливень – морская вода?
Посмотри: фонари вдалеке
похожи на лампары.
А твои глаза
– как всегда –
моя линия горизонта.

Nota: (Здесь и далее примечания переводчика.)
Лампара – лампа для ночного лова рыбы.

Майское море

Тучи в небе
меняют цвет моря.
Рыбак
в двух шагах от берега
знает,
слушая ветер:
дождя не будет – и продолжит
шить полотно.

Возвращаются чайки на берег –
унылые:
голова дракона
– чёрная туча, –
угрожая дождём,
низко скользит,
обжигая холодным дыханием.

Тень от сети
исчезнет с песка –
от работы
рыбак головы не поднимет:
не смирение это, не вызов, –
а твёрдая убеждённость
в том,

что
прямо сейчас,
мгновенно

рассеются тучи,
умчится холодный чёрный дракон,
будет вновь цельной сеть,
отразятся морем лучи света,
несказанных цветов небо,
глаза любимой…

Я бросаю сеть –
и мгновенно
моими становятся солнце,
твои губы, улыбка.

Pharmakon

Если б синапсы были лугом,
в котором тоску по тебе
колеблет, как ветром,
я б, пожалуй, мог
подобрать лекарство...

Но ведь ты
– во мне –
в тобою пропитанных ядом
не известных мне комнатах,
что лекарством становятся
только, если ты рядом.

Nota:
Pharmakon – (греч.) яд или лекарство, в зависимости от принятой дозы.
Синапс (греч. связь, соединение) – место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой. В ходе передачи импульса между двумя клетками в ходе синаптической передачи амплитуда и частота сигнала могут регулироваться.

Полёт

Одними только идеями ты
могла б изменить мир,
словами – спасти чью-то жизнь,
руками – вернуть надежду,
улыбкой – прервать сраженье.

Упорством могла б
побороть все страхи,
доброй шуткою – рассмешить ребёнка,
взглядом – дать возможность парить
любому.

Я уже целый день без тебя,
но не прерван полёт.

Nota:
Парить – держаться в воздухе на распростёртых крыльях. Стремиться к высокому.

Лето

Рыбаком задремавшим – я
среди отпечатков ног на песке
и ракушек;
море – гладкой доской,
мыс, сосняк,
последний пурпур заката,
ни капельки ветра.

Ты проходишь рядом –
но не узнаёшь;
сланцы – в руке,
очками от солнца
прихвачены волосы;
по прибрежным волнам
бежишь, увлечённая мыслями, –
и одним прыжком избегаешь
мною
расставленной сети.

Слово

Я решил взглянуть
на улицу, где тебя ждал,
на покосившийся столик
в тени тебя обнимавшего дерева –

и набрёл на новое слово –
упрямое, как эдельвейс;
одинокое, как опустевшая комната,
свободнее радуги,
столь же мощное, как название книги:
виньетку наших имён
над пустыми страницами
дней предстоящих,
когда мы не будем вместе.

Claire de lune. Лунный свет
Quasi fantasia

Неожиданно
мир умолк,
и голос мечты
в свете луны

мне напомнил,
что жив я,
что я –
из плоти и крови

– человек, –

как и тот,
кто пишет сейчас
для дальней любви
или струн фортепиано,
ночами,
как эта,
сегодня –
без луны,
без тебя –
пленён,
нереален,
хрупок,
подвешен.

Мирт и мёд

Превращусь
в твоё невесомое платье,
едва ощутимое,
пока ходишь по комнатам
или улицам пасторалей.

И легонько коснусь
твоих рук из мирта и мёда,
лишь протянешь свободно ладони
навстречу ветру:
я сейчас – этот ветер.

Поиск

Я ищу на белом листе
дыхание поцелуя,
притаившегося в слезе.
Для того купил я новый блокнот,
чтоб написать слова,
что сегодня тебе не сказал,
но теперь предо мной чистый лист,
который
заполню лавинами мыслей,
перематывая назад
ленту странного дня
– счастливого, порознь, –
будто снова
мы вместе,
и взгляд твой согрет моею улыбкой.

Твоя аура

Я отлично помню:
тебя я вдохнул,
сидя рядом,
на той же скамейке:
вместе с платьем зелёным,
ароматом крема,
морскою солью и солнцем.
Я сидел с сиреною рядом
Улиссом, привязанным к мачте,
обращённый в глаза и уши,
боясь потерять
хоть единое слово,
когда стану писать о тебе
ночь напролёт.
Почему говорю тебе это
только сейчас?
Чтоб извлечь тебя из пера,
возродив на листе бумаги,
и опять, оказавшись
рядом,
дышать твоей аурой.

Этой ночью

Наступает внезапно
звёздная,
без величавой луны,
февральская ночь,
принося мне твоё отсутствие –
ароматом волос,
шепчущим твоё имя.
Стану слушать его
трепетанием крыльев
или голосом нежности – на расстоянии…
Лучезарная девушка!
Может быть, этой ночью
мне приснится твоё лицо.

Грань

Между безумной любовью
и сумасшествием –
пространство иль время?

Если это пространство,
то есть твои новые туфли,
платья,
лазурный лак на ногтях,
книга, что я дарил, а ты не прочла,
крест, который носишь сейчас на груди.

Если это время –
то для перевода дыханья
между двумя поцелуями
или миг,
приносящий мне расставанье
– ламенто утра –
после сна, в котором я
– к сожалению или опять –
тебя чувствую рядом.

Грань
между «привет!»
и «прощай!» –
это вид миража
или занавес в сердце?

Если занавес –
будет закрыт сегодня
рывком безумного троса,
который тяну,
не
осознавая,
и придёт с грандиозным финалом
абсурдный мотив,
что пою, смеясь,
на манер:

«траля-траля-
траля-ля!»

И придёт весна…

и ты ощутишь, что руки –
горячи и спонтанны.
На лице твоём
солнце
станет новою лаской
утренних мыслей,
световых шагов
и пылких надежд,
что замрут лишь на время,
когда засыпаешь.

Не бросай меня
потёртым пальто
в платяном шкафу:
в зимний день
я был
и согревал твоё сердце.

Прозрачность и призрачность

Приглушённые
звуки
меж комнат,
несущие в чистом
жесте
античных танцев
– в поклонах, улыбках –
прозрачность слова,
сказанного тебе, убегающей,
вслед: «Подожди!» –
час, минуту,
недолгое время,
которого хватит,
по крайней мере, для поцелуя,
улыбки,
незначительной фразы, –
прозрачней
изгибов твоей груди…

Между тем ты бежишь от меня.
Я – невидимый – жду.

Констатирую факт

Терем мой исполнен закатов,
лун и разреженной сини,
в закромах моих –
смех
явный и скрытый,
рассказы про завтрашний день
и сегодня.
Сердце – в татуировках,
дороги знакомы лишь мне,
камни сглажены опытом,
деревья нацелены в небо.
Научился быть ласковым,
распознавать штормовые ветра.
Целуясь, закрываю глаза.
Мечты распахнуты настежь.
Я хотел бы снова увидеть тебя,
но не знаю,
как сказать тебе это.

Ты уходишь, я остаюсь

Принеси мне
кусочек мира,
который увидишь…
Поздно, рано ли –
жду тебя,
потому что уже знаю:
возвращаешься
песней.

Sanctificetur

Называя меня: «Любимый», –
руки исполни ласки,
донеси её в любой уголок земли
мгновенно,
одолев расстоянья:
и слеза несёт
животворную воду.

Nota:
Sanctificetur – (лат.) да святится.

Жизнь без остатка

Обретаю кров
в любом
уголке мира,
где
твоя улыбка
поёт
вместе с моею,
в каждом всё
иль ничто,
во времени,
тобою исполненном
настоящим,
пока я посвящаю себя тебе –
без остатка.

Снятие с креста

Будто крылья без ветра,
ожидания без прибытий,
голоса без песен,
одиночества – новые, старые,
слёзы – сухие.
Только ты
видишь меня без прикрас
у тебя на руках –
обнажённым, –
вернее, бесстрашным.

Ожидание…

Пахнет морем в бурю,
твоим лицом в поцелуях солнца.
Ожидание – нить между теми,
кто уезжает
и кто остаётся...

Жду тебя,
чтобы вечером
потеряться
в трёх нескончаемых
рефлексиях:
долгой,
краткой,
твоей –
бесконечно сложной.

Шабнам (Роса)

У твоей улыбки сегодня
учусь
доверять даже тёмным улицам,
на моём пути
отмеченным
гладкими камнями –
слепыми,
будто подводными, –
ночью,

но лучами зари,
отражёнными в росах рассвета,
не смыкая глаз,
жду тебя.

Роза

Под вуалью – луна,
звезда – меж высоких деревьев.
Ты – на лестнице дома
– раскрытым цветком –
желанным,
искомым.
Ухожу,
чтоб вернуться
и снова, здесь,
обращаться мыслью к тебе,
чтобы время не скрыло
луну под вуалью,
звезду меж высоких деревьев,
розу – в росах,
грядущего дня аромат –
тот, что прячется в эту ночь
в желанье, любя, быть любимым.

Белая роза

Белая роза
у зеркала:
от тебя
остаётся лишь
образ,
во мне,
и это единственный способ любить тебя,
стремясь отыскать
в закатах
без поцелуев,
в словах
без касания рук и без трепета
или писать тебе.

Слова

Слова,
что я написал тебе,
большею частью из тех,
что заронил в поцелуях.

Слова –
перелётные птицы,
каркасом вросшие в сердце.

Сегодня ветер взъерошил их
серебристыми волнами
на траве лужайки,
поэтому, –
а ещё,
чтобы сделать меня счастливым, –
ты назовёшь их стихами.

Ожиданье

Не гони меня:
я пришёл,
влекомый твоей путеводной звездой,
по нашей дороге.
Умоляю: прими!
Не позволь уйти одному
в бездну слов:
в темноте не знаю,
где можно тебя отыскать,
кроме лучших
стихотворений.
Не стремись понять,
кто прав, кто не прав из нас:
если мы потеряемся,
проигрыш будет взаимным.

Чтобы быть уверенным

Чтобы быть уверенным
в том, что ты больше не одинока,
попросил я
у ветра нежность,
у солнца – объятье,
у старого дерева,
под которым ты
играла ребёнком, –
нежность листьев
в каплях росы…

А ещё попросил свою тень
безмолвно
присутствовать рядом.

Быть твоим зеркалом…

…я хотел бы быть твоим зеркалом,
восхищаться процессом твоей арт-
подготовки:
строгий взгляд – снова и снова,
с головы до пят, –
чтобы дальше
дарить красоту бескрайнему миру.
Если пообещаешь
вернуться ради меня одного,
я смогу ждать спокойно
до позднего вечера.

Когда думаешь обо мне,
в твоей улыбке сияет любовь;
то же чувство друзья прочли на моих
губах,
не сумев объяснить себе это.

Nota:
Здесь игра слов: арт-подготовка.

Твоё время

Однажды
вновь расцветут каштаном
в твоих волосах и зажжённых мыслях
ушедшие годы –
красивые, полновесные.

Я куплю тебе белую шляпу,
и ты наденешь её
с глазами закрытыми.
Я скажу: «Сюрприз», –
поднося тебе зеркало,

и узнаешь,
насколько ты великолепна
в каждый новый миг,
в былом отражённый.

Sublime

Sublime –
назову тебя...
Всё остальное – поэзия,
заключённая
не в моих словах –
в безмолвных
твоих поцелуях.

Nota:
Sublime [sə'blaɪm] – (англ. книжн.) возвышенное, высокое.

Чудак

Ожидая тебя
каждый вечер
на перекрёстках дорог,
в каждом звуке
брусчатки
слышу твоё приближенье.
После вновь
смеюсь над собой,
говоря с тобой, –
уже ставшей моей
неотъемлемой частью…

Сегодня, вместе с Луной,
ты придёшь непременно.

Я хотел бы…

стащить
обе твои подушки
и заставить тебя свернуться калачиком,
прикрывшись руками,
пока хочешь ты
и не хочешь,
чтоб я щекотал тебя…

а потом услышать, как ты смеёшься,
ни о чём не думая
или просто –
думая, как это здорово,
что нашли мы друг друга
среди тысячи, сотни тысяч,
нет – среди миллионов:
на планете
наш голос –
всех совершенней…

ощутить твои руки
на коже
внезапно,
когда я жду меньше всего,
а затем –
как они обнимают меня всё сильнее…

завершить наш день – бокалом вина,
тебе приносящим грусть…

или вместе бежать к вершинам
со встречными солнцем и ветром,
взявшись за руки
или настежь раскрыв невесомые руки,
становясь воплощеньем друг друга
в любви,
в одержимости страстью.

Я мечтаю упрямо

Я хотел бы быть там,
где ты, в этот миг.
Я с тобою, когда ты читаешь
и когда я пишу:
и по этой причине упрямо
себя усыпляю рифмой стихов...
Но особенно по вечерам, как сегодня,
вспоминая мгновенья,
когда не мечтал о тебе:
я клянусь,
что для этого хватит пальцев одной руки.
В мире есть лишь один уголок,
где был бы я счастлив:
в промежутке дыхания
от улыбки твоей – до улыбки.

Целовал я...

На лбу – мечты,
на губах –
тобою навеянные слова,
на груди – печаль,
на бёдрах – участок пути,
приводящий тебя ко мне
неизменно
свободной.

На коленях – страсть,
живущий огонь,
невинное пламя,
на руках –
ожидание твоего
долго-
временного присутствия.

Мера блага

Мера блага –
в бредовых ночах и плачах,
бессонницах –
чтобы не снились плохие сны
с тобою,
великолепной,
отражённой в чужих глазах.
Мера блага –
в безмерной боли,
оставшейся мне –
полумрачной, жгучей:
не приглушат её голос
и нарастающее угнетенье.
Я хочу, чтобы мера
была
внутри нежданного счастья –
вневременными объятьями
и разделёнными жизнями.

Ночь

Улыбкой
зажгу для тебя звезду,
прошептав слова,
которых ты ждёшь,
и услышу ответ
арией рук,
повествующих молча.

Лишь одно объятье согрело
данное нам время,
что для нас этой ночью
остановилось,
между вдохов пытаясь найти
беглянку-слезу:
для тебя сегодня печаль отошла в былое,
для меня твоё счастье
стало собственно жизнью.

Рубашка

Я храню в шкафу
рубашку
с закатанными тобой рукавами:
ты её надевала.

Холодны и длинны осенние вечера
без тебя;
рубашка хранит твой приход
и твои объятья
и теперь, как твой голос,
греет мне сердце.

Вспышки света

Из самого сердца
к тебе
лежит любая дорога
моих мыслей.
Вспышки света
моей стремительной жизни –
слова, которые я пишу каждый вечер
тебе,
но не прежней, далёкой:
ощущая
твоё живое присутствие.

Обращаясь к тебе,
читаю себя –
и встречаю тебя
– всегда –
говорящей со мною,
чтоб утешить меня на время
разлуки,
превращая его
во время новой надежды.

Волна

Ты –
волною жизни,
тревожащей донный
морской песок,
затем нарастающей резко
и с порывами ветра,
украсившись пеной
и бахромой хрусталиков звуков,
в поисках берега,
аромат ему оставляющей
и, отыскав мишень
– конец и начало, –
изменяющей дикий утёс,
с которым соприкоснулась:
каждый твой поцелуй меняет меня,
достигая губ.

В этот вечер

На губах моих
поцелуями пишешь
сегодня стихи.
Я прочту их –
и сразу стану поэтом.

Цапля

Элегантно скользит по воде…
Кончики крыльев
слегка задевают поверхность реки:
каждый взмах –
будто танец на льду.

Потом выгибается,
прыжком устремляется в небо,
а затем,
отыскав свою пару в ветвях деревьев,
окрасится в цвет
отраженья звезды.

Приди ко мне этой ночью
с распростёртыми крыльями –
цаплей, летающей ястребом в небе,
судьбу посвящающей в тайну объятья.

***

Пусть улыбка
тебя направляет в дороге,
а тобою пройдённый путь
силы даст для отрезка маршрута,
что ждёт впереди.

Не сдавайся,
если дорога становится узкой,
а ногам, по камням ступающим,
больно:
если есть впереди
ещё участок подъёма,
это прекрасно:
можно сделать привал
и вдохнуть полной грудью…

Очень важно,
чтоб сердце не уставало,
но для этого – знаешь – всегда
я с тобою,
я рядом.

Верю

Верю в ласточек,
с ветром вдыхающих
запах дороги;
в листья, что у корней умирая,
дарят лимфу растению –
жизнь
собственным братьям.
Верю в кошек,
что ночью
идут по следам луны
– безмолвной клавиатуре –
в ожидании нот,
в ней живущих.

Верю в слово –
в разгар поцелуев!
Равно как в твоё молчанье…

Дельфины

На лице твоём отражён
целый мир:
страстный –
цвет моего дыхания.

В волосах –
моя недавняя нежность.

Мысли прячутся в глубине,
как дельфины,
что ныряя в море,
всплывают с волной,
целуясь
или просто дыша.

Скульптор-ты. Скерцо

Ты взяла меня –
глыбу мрамора –
плюс молоток – мне во благо;
каждый свой поцелуй
превратила в умелый удар по телу зубила.

Наконец, жизнь вдохнула в меня –
и сделался я человеком.

Будут тщетно искать нас

Ты закроешь дверь
и протянешь мне руки:
в темноте глаза широко раскрыты,
уста сомкнуты.
Ты обнимешь меня так крепко,
что прервётся дыханье.

Будешь счастлива,
как никогда;
думая, что это сон,
ущипнёшь себя трижды – и вновь
ко мне прикоснёшься руками.

С этих пор луна, звёзды, рассветы
будут тщетно искать нас.

Наше время

Мне нравится
наше время:
рождается из ожидания,
ищет себя,
нарастает,
завершаясь новым объятьем.

Поэтому предпочитаю
во все времена года
нагишом отражаться в твоих глазах
и обретать свет
– величайшую радость, –
даря лишь тебе улыбки.

А затем пишу белый стих,
чтобы сказать полушёпотом:

«Я есть я,
чтобы ты была», –
в дар нашему времени.

Рифма

В пространствах
времён
и мест,
иногда – в словах
мы снова находим друг друга
в распахнутых настежь
глазах и сердцах –
в наших мирах,
всё ещё не изведанных, –
в новом море,
совместном закате,
рассвете –
мечтой о полёте
– в коротких стихах –
рифмой к слову «любить».

Слова

В море всех других
– блестящих –
речные слова,
растворившись, теряются.
Когда они были
словами моей реки,
пока думал ими,
затем дарил их тебе,
в них была твоя суть –
та, что в сердце таю,
словно лучшее из того,
что было в моей жизни.
А теперь, смешавшись,
средь моря других
– чужих –
превратились они
в такие же точно слова
из пустой пересохшей
пыльной реки.

Словно этот стих…

Без тебя вечерами тоскую,
встречая
влюблённых на Виа Аманти:
они держатся за руки,
моя же ладонь – пуста,
словно эта улица,
словно этот вечер,
.....
.....
словно этот стих.

Nota:
Улица Влюблённых, в частности, в Вероне.

На рассвете

У воздуха аромат твоей кожи –
началом нового дня.

Я хотел бы прийти на рассвете –
поцеловать тебя,
ощутить дыхание снов
и сказать полушёпотом
у изголовья:
«Спи, любимая,
я подожду».

Медитируя…

С последним твоим поцелуем
я прикоснулся к тайне
наших земных жизней,
жаждущих вечно быть рядом:

затеряюсь сегодня ночью в картинах,
которые ты
не
нарисовала,
ты прочтёшь на одном дыханьи стихи,
которые
не
написал.

Из любой точки мира

Из любой точки мира –
вернись!
В устье Ганга
или потоке мыслей,
нередко тебя поглощающих,
ты всегда меня встретишь
распростёршим объятья,
гладко выбритым,
с твоим любимым парфюмом
и с тобой,
отражённой моею счастливою мыслью.

Расстоянья

От тебя – до меня.
От улыбки
твоих грустных мыслей,
в шаге от мягких слов,
от ласки –
до явной надежды.
В минуте от новой зимы,
убеляющей волнами море.

От тебя, согревающей тёплым светом
в объятии
на любых расстояньях,
потерянных рядом
с плодотворными
напряжёнными днями.

От слова «привет» –
в поисках «завтра»,
чтобы выплеснуть в новом стихе
– без пера и чернил –
сказку о том, что ты рядом.

После грозы

Охотник за нашими радугами,
бегу
по узким улочкам горным
к самой вершине,
хоть в небе всё ещё дождь;
ищу глазами тебя,
хоть знаю, что ты далеко.

К облакам поднимаюсь,
горстями черпаю радугу
и, в бутылке закрыв,
бросаю в море –
стихотворением.

Однозначно получишь послание
до своего возвращенья,
поместишь в ковчег,
будто нежность,
которая позже станет
реально
исполненной красок.

Стихи – вместо улиц…

Стихи – вместо улиц,
слова – шаги,
строки в рифму –
наши объятия,
многоточьем
– временно –
темп и поцелуи...
Повествуют о том,
как ты меня увлекаешь
в свой свет,
вдохновляешь
улыбкой
или приходишь в мой мир –
сделать меня счастливым.

Стихи – вместо улиц,
слова – шаги,
а теперь в них ещё – две жизни,
пишущих общий стих.

Оригами

Сгибаю слова
в оригами мыслей:
в каждом
– ты –
счётом бессонных часов,
беспросветного времени,
напрасных ночей
в одиночестве.

Моя Пенелопа

Ветер с моря
переплетён на твоей груди:
отмечает воздушные линии,
ведомые исключительно мне.

Войны
выиграл ли, проиграл –
ты ждала неизменно...

Временной сюжет распустив,
под меня подогнала –
не напрасно:

смыслом всех скитаний моих
было вновь обрести тебя
в этом объятии.

Пенелопа

Только женщина в силах
с достоинством ждать через все времена,
отделяющие поцелуй –
от
поцелуя,
пока мы идём завоёвывать мир
или искать среди теней
утраченную мечту.

На ресницах нависли слёзы;
ворота, открытые настежь,
ждут возвращенья.
Разум сердца
сжигает любые иллюзии
и антуражи.

Новый Улисс

Возвратившись домой
после долгих скитаний по морю,
не сказал: «Я люблю тебя».
Не найдя
в предстоящих походах
достойных мостов,
потерялся в её глазах и спросил:
«Куда теперь направим стопы?»

Концерт в Гоффредо

Маэстро,
склонившись
над фортепиано,
закрывает глаза,
чтобы вспомнить
каждую ноту – живую,
прежде чем они все
каплями ртути,
в совершенном порядке,
устремятся
от головы –
через сердце –
к рукам –
отточенным жестом,
ласкающим клавиатуру.

Так удерживаю внутри,
когда ты далеко,
застывшими
в заколдованном времени
нежность всю иль поцелуй,
что хотел бы сейчас посвятить тебе,
зная, что перейдут
от моих губ –
к рукам –
через сердце,
едва мой концерт начнётся
новым объятьем.

Nota:
Кастель-Гоффредо – город в Ломбардии.

Пробуждение

Мы –
единое целое в сущности
каждой новой мечты,
ставшей реальностью.

На краю земли
между
пробужденьем и днём
объятие
без пространства,
вне времени,
растёт в эфемерном
«наше» навеки.

Земля

Мы все – мигранты во Вселенной,
кочующие на плоту,
что сделан в форме шара.
Не зная про бессчётные кораблекрушенья,
пусть кто-то заблуждается насчёт того,
что он – иной,
забыв, что уезжающий –
заблудший изначально
лишь для того,
чтобы позволить найти себя.

Странник

Ускользает в ничто
за последней планетой,
фотографируя издали Землю,
мчась со скоростью
километров в секунду,
не касаясь атома
пыли и света.

Пустой
и безмерно длинный,
как время
одного бесконечного дня
в одиночестве.

Где-нибудь в планетном пространстве

Посмотреть бы мне,
может быть, издали
страхи,
лишённые цвета
чёрно-белые фото
в перевёрнутом времени
в расстроенных чувствах, –
найти бы ответы
прежде, чем прозвучали вопросы,
до предвестия нежности
иль встревоженной жизни –
раздвоённой
в планетном пространстве.

Завтра мне доверишь

Прижавшись ко мне крепко-крепко,
ты вверилась мне в светлую ночь...
Я приник к губам –
ты раскрылась объятью навстречу:
мы слились в единое целое
световыми дорожками.

Завтра мне доверишь
эти слова и другие,
что сейчас я не в силах сказать.

Чтоб любить тебя крепче…

В этот раз
я скажу тебе меньше слов.
Сохранив безмолвия ступор,
пей их только
в случае сильной жажды
как шартрёз, нектар,
а, быть может, лекарство.

Nota:
Шартрёз – напиток вечной молодости.
Нектар – здесь: напиток богов, дающий бессмертие.

На крыльях любви

Я бегу навстречу тебе,
раскрывая объятья,
преодолевая ветер, –
ладони напряжены, открыты.

Не Рождество и не Пасха –
лишь новый день
с лётной погодой –
шансом обняться.

Закрываю глаза
крепко-крепко,
чтоб ощутить тебя снова
и найти, с наступлением вечера,
слова для стиха.

* * *

Говорят, будто глаз
в безлунную ночь
различает свечу,
зажжённую на корабле –
среди моря.

Говорят?..
Это правда!
Я прочту
твою самую робкую мысль
на расстоянии.

Расстоянье

Теперь я тоже
тебе говорю
о
расстоянии,
заключённом
в параллельных Вселенных,
иногда становящемся близким,
обернувшемся благом,
но не меняющем сущности
в зависимости от того,
думаю я о тебе
или думаю, что мы вместе.

Ради каждого...

Ради каждого времени,
каждого мига,
каждой улыбки,
каждой слезы, каждого шага пути,
ради твоей мечты,
всепобеждающего упрямства,
каждого краешка неба,
слов луны,
морской воды и земли –
на один единственный день,
возможно, сегодня, –
без войны,
ради всех ожиданий,
ради нового года
– пусть даже в августовский понедельник –
и – чуть-чуть – ради меня, –
если ты мне ещё
предоставишь такую возможность, –
приведу в покой твои мысли
написанными сейчас словами,
как поцелуями.

О себе – полушёпотом…

Между небом, солнцем и морем
представь палитры
закатов,
переливчатость красок,
лёгкие бризы,
ожидания – в море огней,
спокойные вечера,
корабли на якоре
в гавани... Даже
если что-то пойдёт не так,
то из двух времён предпочтёшь одно
неизменно:
не общаться на расстоянии
или писать слова,
а сказать полушёпотом их
в час пробужденья.

Вояж

Мазки облаков...
Сегодня куда влечёт тебя ветер?
Отныне
и в каждом небе
жду твоего возвращения.

Художник

Рассвет – иллюзией
из красок
в окне и комнате,
что новый день
наполнит снова светом.
Сегодня вечером вернусь
к холсту и кисти –
и выйдешь ты
из темноты
и ожиданья.

Аксиома

Если мы зададимся вопросом,
чем
всё это закончится,
как
всё оно будет
за пределами завтра как времени;
если станем искать единицы эмоций
или предел,
то ответ на вопрос,
что привело нас сюда
– друг к другу, опять –
ясен без слов.

Если
сейчас ты меня не можешь читать,
значит, мы, как всегда,
в объятьях друг друга.

Стих – пустой иль полнокровный

У меня иной календарь, настоящий,
в несовершённом времени,
в походной изношенной обуви,
в огрубевших руках –
натруженных, грязных;
в идущих шквалом словах,
но нежных, как мёд объятья,
как суть постижения – мыслью – другого.

Ты была, ты ушла,
теперь возвращаешься снова.
Для тебя одной
своевременный стих –
пустой
иль полнокровный.

Доброй ночи...

Луна,
за облаками украдкой зажжённая, –
светлячок,
ждущий нас у порога дома,
меня провожающий,
что стремится продлить твой свет
на время нашей разлуки.

«Доброй ночи!» – доверю бумаге свой
поцелуй,
будто мы вместе.
«Доброй ночи!» – снова целую тебя,
словно по возвращении.

Совершенное счастье

Возьму вразброс
это тело,
которым сейчас являюсь,
и с трудом
соберу идеальным,

как было явно задумано,
прежде чем
явить его миру.

И я знаю,
каким оно будет:
таким, каким я мечтал.
Ловким, стройным,
точёным
любовью поэта,
устремлённым к небу,
с лучезарной улыбкой,
безмятежно бредущим по улице
менестрелем,
сильным, знойным
вечерним ветром
в наступившее лето...

И в своём новом теле,
купаный в звёздах Галактики,
обниму тебя,
плача от счастья,
в этот раз – совершенного.

Осень

Сквозь увядшие
пожелтевшие листья
пробиваются
солнце – лучами,
которые больше не греют,
и дыхание ветра,
делая воздух чище.

Всё ещё находим слова,
чтобы выразить всё
без смущенья,
иногда стараясь найти
друг в друге
смысл жизни
бок о бок,
время – жить рядом.

Иногда
отвлекается
счастье –
идёт иною дорогой,
иногда его меньше, чем хочешь,
иль капелькой счастья делясь,
остаёшься без,
иногда приходит оно,
а ты
только что вышел...

Иногда –
почти что всегда –
обитает счастье в твоих глазах,
а сейчас – немного в моих,
потому что сегодня весь вечер
смотрю на тебя.

Мгновенье

Замедляю шаг,
затем замираю –
с твоим наравне:
оборачиваешься –
глаза закрыты,
потому что знаешь:
я тоже делаю это.

Заключаю тебя
(ты ведь этого хочешь)
снова в объятье.

Исчезает
время вокруг –
замирает и глохнет:
приникают губы к губам –
твой черёд говорить.

Возвратись,
обними,
останься.
Я дышу твоей кожей,
мне нужен твой голос.
Обними,
останься:
теперь
слово
за ночью –
за спасеньем, которого нет,
но тебе принадлежащем.

В объятьях друг друга

Есть разлом в стене,
где жду тебя на рассвете:
на исходе ночи
приходишь в туманах
размытого света –
идёшь,
предаваясь собственным мыслям.
Мигом раньше
догнал бы тебя,
мигом позже –
тебя отпускаю.
Выжидаю,
когда обернёшься,
и вот, как всегда, –
мы в объятьях друг друга.

Совпадения

Если не слишком скоро
закончится путешествие,
я бы мог с тобой говорить
о совпадении сроков,
уходах и возвращениях,
удивительных ожиданиях...

Если б только встречались улыбки,
отражённые в окнах вагонов,
и туннели в словесных горах,
то, возможно,
я знал бы твоё имя,
чтоб, по крайней мере,
виньеткой вписать его в стихотворение...

Если б ты рискнула сойти
на промежуточной станции,
мы могли бы обняться.

Происшествие

Ты – моя счастливая мысль,
свет очей и рук,
танец губ.

Проносишься мимо
молнией, поездом –
вновь ускользая…

И приходится мысленно говорить с тобой
про ласковость солнца и дыхание мая,
которые мне оставляешь.

Скажу тебе, счастлива ль ты…

Отыщи в небе
Венеру с Луной,
свяжи их нитями слов.

Даже если тебя уведут
так далеко, что я не увижу,
всё равно свяжи их узлом
– слова свои –
с жизнью.

Возвратишься
раскрыть мне секрет,
откроешь ладони-ковчег –
и скажу тебе,
счастлива ль ты.

Из всего, что было

Из всего, что было,
остались пары бензина,
приезды-отъезды,
объятья,
что путают мысли
– чересчур одинокие, –
что собрал я
на перекрёстках дорог.

Из всего, что было,
ещё

осталось – желанье
сохранять равновесие
и высоту положенья
в другой перспективе –
в мире,
который уверен:
в путешествии
– сущность жизни –
твоей,
из моей изваянной.

Я любил тебя...
когда было нельзя,
когда было приятно,
когда было сложно,
когда было естественно,
когда было «вау!»,
когда – бесполезно.

И всегда был прав!

P.S. От всего пути
остаются пары бензина,
идея прилёта-вылета и объятья,
порождая мысли,
которые я собрал одинокими слишком
на углах перекрёстков улиц.

От всего пути...
желанье остаться в конце концов
в равновесии, на вершине подъёма;
посмотри на мир
в иной перспективе:
верю, что в путешествии
суть нашей жизни –
твоей, в моей изваянной.

Вопросы

«Ты меня хоть прежде любил?
А теперь?»

Вопросы – как тучи,
как фуга – во власти рук.
Взгляды
– чужие, напрасные –
замкнуты в яростной тиши,
в мыслях в полную мощь,
в наказание,
в рифму стиха.

Лучше – прочь…

В ожиданьи героя

Атмосфера
зависла в стекле,
на дне перевёрнутого бокала:
пленницей ждёт,
покуда герой неумелой рукой
молодого бармена,
чары разбив,
отпустит её на свободу.

Молящий твоей любви

Молящий твоей любви,
всё ещё стою, протянув ладонь,
и смотрю, как проходишь, не замечая.

Опускаю руку
и – словно плохой актёр –
с трудом улыбку держу
– последнюю –
дня, когда ты сказала:
«С тобою я счастлива!»

Никогда не вернёшься

Я собрал
и хранил,
как трофей,
все кольца
тобою разорванной
цепи:
позже, глядя
на быстрые облака,
гонимые ветром,
понял:
мчишься по свету
– абсолютно свободной –
и никогда не вернёшься.

Le cri du Coeur

Когда ты несёшь,
красоту
во все уголки мира, –
а я далеко, –
остаётся мне только
быть несказанно счастливым...
Так что я с тобой говорю
– совершенно спокойно –
всеми фибрами голоса,
кроме тех,
что никогда не услышишь.

Nota:
(фр.) Крик Сердца.

Ты – во всех временах

Ты –
во всех временах, в которые жду:
в чемодане, который открою,
в тобою рассказанных сценах из жизни –
всех, где я тебя представлял одинокой.

Ты –
в словах, проклюнувшихся из семян –
всех,
что ты в меня заронила,

и в древе добра,
что, поднявшись, ждёт –
расцвести
твоим возвращеньем.

One Way

Ты – твоя, я – твой.
Отчужденья длиной
в один единственный стих
– в любви –
равнозначны добыче стихов
из пустых одиночеств.

Nota:
One way – (англ.) здесь: игра в одни ворота.

Я любил…

До последнего
видел, спасал,
держал в ладонях твоё сердце,
зажёг одинокий факел,
поднял выше,
чтоб освещать дорогу
– эту дорогу –
ночью...

Любил
до последнего вдоха,
до дня сотни вопросов,
нелепых ответов,
необратимых безмолвий;
затем, возвратившись,
шагая по комнате,
вновь сочинял стихи про надежду.

Теперь жду в тишине,
что ты обновишь свои мысли,
одежду, обувь и фразу «до завтра».

Счастье, которое ищешь

Счастье, которое ищешь,
прячется за горою
или в тысяче долгих шагов.

Похоже оно на счастье,
которого ждёшь
среди пыли и жажды,
без лун, отражённых в море?

Может быть, счастье –
сентябрьский день,
висящий на дереве лотоса,
или зажато в ладошке ребёнка?

Или где-нибудь рядом?..

Нюанс

Спал
на твоей половине кровати,
вдыхая тебя
ароматом, который остался.
Ступал
по твоим следам,
тысячу раз повторяя
все твои жесты,
исключая последний:
уход.

Слово счастья

Я спрятал от комнат всё,
что помнит тебя;
у стен остался твой голос.

Я шёл незнакомыми улицами –
но мы были повсюду.

Я встречался глазами с людьми –
но видел твои глаза.

Я искал для себя слово счастья.
Все слова – о тебе.

Твоё тело

Такой ты предстала миру,
такой ты предстала себе:
жертвенником ожиданий,
эпифанией,
ветром,
наточенным остро ножом;
вновь обретённым раем,
звучащим тише пиано;
бесценной античною амфорой,
захватывающей дыхание,
в последнее время ставшее
нашим единым целым.

Nota:
Эпифания – Богоявление. Древнейший христианский праздник.

Моя женщина

Моя женщина
всех красивей на свете;
приходя, приносит
сияние,
делая мир изысканным, ярким,
надеждой исполненным,
потому что в красе Творенья
свершается день сегодняшний,
а в моих глазах Её красота
уже превратилась в будущее.

Звезда

Над домом твоим
звезда: ждёт,
непременно зажжённая,
час твоего возвращения
и над калиткой,
пока мы целуемся,
по губам нас читает:
«До завтра!»
Затем разделяет
обратный мой путь,
вместе со мной
по тебе скучая.

Сегодня,
когда ты сказала:
«Останься», –
звезда ликовала в небе,
продолжив свой путь без меня,
и не вернётся до завтра,
поскольку сейчас мне сияешь ты,
ликуя в моих объятиях.

Не дай Бог…

Если вдруг, не дай Бог,
ты захочешь уйти,
– чего никогда не случится, –
отпущу легко:
не стану
смывать свои вины
твоими слезами...

Квантовая запутанность

До Дирака писал я,
что если
два сердца
какое-то время
общались друг с другом,
а после что-то
(кто-то...)
их разлучает,
то они уже
не две отдельных души,
а симбионты
неразрывной системы.

Точно так же и ты
сквозь километры
иль
световые лета
определяешь мой путь,
а я – твоё время,
источая нас
– в ожидании –
мыслью
о нашем ближайшем
квантовом будущем.

Nota:
Поль Адриен Морис Дирак – английский физик-теоретик, один из создателей квантовой физики.

Мне тебя не хватало…

Однозначно: «Скучаю», –
всё-ничего.

Как скучаю –
и так понятно.

Уберу эту меру из строф стиха
ненаписанного:
при встрече выражу слово
безмолвным объятьем.

В воздухе

Все слова,
которые знаю,
тобою полны:
ты – мой стих,
я – дыхание жизни,
но едва тебя потеряю,
слова испаряются в воздухе.

Ночью

Сейчас я хотел бы,
чтоб мы
соприкасались
так, как прежде,
когда любили друг друга,
не наблюдая времени:
в закоулочках
и виноградных лозах,
молча вздыхая или
страстно целуясь.

Я б хотел оставлять не включённым
по вечерам
телевизор
после трудного дня,
чтобы тебе улыбаться,
глядеть в глаза,
говорить о своих делах
и ошибках.

Я хотел бы держать тебя
– волей твоею –
нитью воздушного змея,
пленённого ветром,
парящею высоко в небесах;
знать, что если захочешь,
можешь вернуться...

После всякий раз не хотел бы
тебя отпускать,
ждать растерянно,
не обнимая руками,
не касаясь губами, которые ночью
(жертва обмана!)
шепчут стихи.

Par avion

Уходя, обернись...
Расставаясь, принято улыбаться.
И моя рука открыта небу навстречу.
Ощути её, как последнюю ласку.

Nota:
Par avion – (фр.) самолётом.

Пастели

Облака чертят линии –
белые,
красные –
закатом зажжённые,
ожидаемым вечером
дня после бури, –
словно пишут в небесной лазури
стихи,
которые, кроме солнца,
никто не умеет читать.
В самом деле!..

Ты,
как солнце – пастели,
умеешь ценить
мои искренние слова.

Параллакс

Вспышки
материи, света –
миг обмена
звёздами-близнецами,
зажжёнными над
нашими жизнями.

Кажется, что вращаются
друг для друга,
обмениваясь постоянно
откровеньями страсти.

Но они находятся
на расстоянии
миллионов
световых
лет,
у каждой – свои
история,
время
и будущее…
Кажется, будто любят друг друга,
живя по соседству,
будто я и ты,
в небесах
одного и того же времени года.

Nota:
Параллакс – изменение видимого положения объекта относительно удалённого фона в зависимости от положения наблюдателя.

Дождь в сентябре...

Слёзы лета омоют слова,
мною посеянные, –
непонятые, разобщённые,
спрягаемые в условном прошедшем,
отвергнутые из-за «если»
нереального времени,
двойственные, контрафактные
розы среди шипов, –
собранные поцелуями
со словами: «пока»,
«прощай», «до завтра», «до скорой»,
«увидимся»: растворяются
в только нам известных стихах;
возвратим их с улыбкой
воде, реке,
течению жизни…

Я богат…

Временем, что приобрёл,
словами, что написал,
странами мира, где ждал
тебя
и не отпускал;
нежностью,
вновь и вновь
слетающей с губ: «Сладких снов!» –
пробами на излом,
днями, где жизнь – поход.

Всем, что вверил тебе,
несказанно богат...

Топогнозия

Всегда
смотри мне в глаза.
Целуй,
проникая в сердце.
Дыши
дыханьем одним.
Пиши мне губами по коже пять букв
совместного слова
сосуществования.

Nota:
Топогнозия – способность точно понимать контакт. Исследуется, одновременно касаясь кожи кончиками пальцев или булавками в двух симметричных областях тела как на туловище, так и в конечностях.
Пять букв: amore – (ит.) любовь.

Все в сад!

Когда умирает любовь,
остаются слова,
несбыточные обещания,
взывания «помнишь?..»
и
– по привычке –
желания,
бесстрастные поцелуи
стиснутыми губами…

Дефибрилляция сердца тщетна:
все в сад!

Безумец

Господь!
Здесь штампуешь закаты
и продаёшь на открытках,
вдохновляя влюблённых
плести: «Будем вечно вместе –
неразлучны, как солнце и море»?
И после такого заката
навек меняют смысл жизни,
давая клятву в любви?

Господь!
Не побеспокою,
а только спрошу,
всё ли то же
время сейчас:
семь тридцать пять,
когда мы
вместе с любимой
в поцелуй вдохнули
«навеки»?..
Здесь я – в урочный час?

Знаешь:
надо терпенье,
чтобы дождаться заката;
если туча
встанет над морем –
надолго исчезнет солнце…

Весь год я стремился сюда,
и прежде, чем возвратиться,
заката дождусь; не один, а с любимой –
ярким
воспоминанием:
правда, она красива?!.

Прости, Господь!
Мне пора.
Как насчёт селфи с закатом!?
Господь… Господь…

Withorwithoutyou…

Можно искать друг друга
вне игр слов:

nec tecum;

но внезапно
ты остановилась –
поцеловать меня:

nec sine te.

В разлуке
большей, чем час,
тягуче
пустое время:
повторяю мантрой
до бесконечности,
что только так, играя,

vivere possum.

Nota:
Withorwithoutyou – (англ.) с-тобою-или-без-тебя.
Nec tecum – (лат.) не с тобой.
Nec sine te – (лат.) не без тебя.
Vivere possum – (лат.) могу я жить.
Nec sine te, nec tecum – (лат.) Вместе тесно, врозь тошно.

Паладин. Скерцо

Я взобрался на гору,
поймал дракона за хвост...

...с неба сыпался град,
и я спрятал в скалах
бесценные камни улыбки.

… снова взялся за меч,
сразил всех кабальеро;

затем зажёг среди звёзд
– для тебя –
луну

и отдал на суд
– тебе –
растрёпанные стихи.

Мне опять
предстоит провести
ночь в одиночестве?!.

Иногда

Хотелось бы понять тебя
ещё и там,
куда нет допуска,
но где живёт душа,
быть может,
в секретных комнатах,
куда никто не вхож, –
где сбрасывают кожу.

Поэтому
в твоё вступаю время,
след в след ступаю…
Так иногда
день завтрашний приходит рано.

Есть в мире уголки

Есть в мире уголки,
в которых можешь
послушать реку, море, озеро
и слово, что жило у тебя внутри,
а по дороге домой услышишь
слова другие,
голоса воды, своё безмолвие.

Наслаждение

Ты – с обычной улыбкой,
и я практически счастлив,
потому что почти что
вижу её снова:
но теперь –
из далёких времён и пространств –
дальше рук твоих, меня обнимавших…
Не вернуться мне,
и сейчас, как и прежде,
пою расстояния и одиночества
в час восторга –
как мужественный мореход,
жизнь которого
в нежной печали затеряна.

Птица Феникс

Был когда-то и я безумно красив
– до тех пор, пока ты так считала, –
и держа тебя за руку,
взгляд простирал к горизонту,
при ходьбе держал ровно спину…

Потому и мечтал
о новом полёте
птицы Феникс,
убитой огнём повседневности.

Привычки, страдания, тяготы…
Крылья – в пепле,
воздух – из праха.

Без тебя

Запустив в шевелюру руки,
вплетя свои пальцы
в развилки дорог,
как умеешь ты слушать, рассказывать,
искать между книжных страниц
свои «да» и «нет» –
и смеяться при этом!

Или страх испытывать – твой,
когда думаешь за двоих,
а затем встречаемся снова:
звук шагов,
аромат твоей кожи, –
немного спустя
входишь в комнату; кофе – вдвоём,
на десерт – тобой принесённая нежность
предвкушением завтрашней встречи,
постоянной возможностью
быть мне частью твоей жизни –
всё, чего без тебя мне так не хватает,
но больше всего – последнего.

Слова из будущего

Вокруг стояли
без убранств дворцы,
работы шли
и шли беспечные машины на бензине,
но было ощущенье,
будто вот он – Тадж-Махал
иль золотые волны Ли великой нас качают,
что отразились в Северном сиянии Киру-
ны мы
иль затерялись средь «каминов фей»
Гёреме...

И просто было
на лбу твоём
– как совершенство –
солнце мая,
на коже
– ароматной нитью –
ветер,

глаза – в глаза –
как раньше не случалось;

ерошишь волосы мои –
мой голос
в погоне
за твоей улыбкой неустанной.

Вокруг стояли
слова из будущего…

Nota:
Ли – живописная река, жемчужина Китая. Одно из десяти водных чудес мира.
Кируна – самый северный шведский город, название которому дало саамское слово Giron – «белая птица» (куропатка). Находится в ста сорока пяти километрах к северу от полярного круга.
«Камины фей» в Каппадокии (Турция) – останцы в виде каменных грибов и каменных столбов причудливых форм и очертаний.

Любая женщина…

Любая женщина,
которую когда-то любил
по-настоящему, –
невольно,
хоть иногда,
вздыхает о тебе
и слышит голос твой, как прежде,
и тогда смеётся с ним громче,
чтобы заглушить
назойливые
«если б… »
в сердце.

Ранящие слова…

доверенные бумаге,
разве приглушат боль,
высеченную на сердце?

Нужен весь день улыбок,
ласкающих кожу губ
и сверкающих глаз
в ожидании встречи…

Неоконченные стихи…

завершенья которых так жаждут поэты,
повисли на нитях рифм
отражёнными эхом
плачей или улыбок,
осмеянными в круглых фразах –
начатых и завершённых...
Витрины полны новых слов,
мимоходом взятых в какой-нибудь книге,
но сокрыты они в ларце поцелуя;
их можно открыть исключительно завтра.

Только тебе

По лицу читаю,
на устах пишу,
в руках надеюсь,
в глазах живу.

Взявшись за руки

Сколько у нас будет
снова-снова-снова
придуманного времени
вместе-вместе-вместе,
вымощенных улиц
шагом-шагом-шагом
или поцелуев
долгих-долгих-долгих!
Столько о тебе
мыслей,
что слова
за руки идут,
как и мы, по свету.

Фалес

Каждой клеточкой кожи,
доступной моим губам,
испытаешь внезапную дрожь,
а, может быть, неизведанную.

Увижу только белки твоих глаз
между век приоткрытых,
твои меня крепче сжавшие руки,
словно держащие небо.

Земля – плоть,
огонь – страсть,
воздух – вздохи,
вода – наслаждение.

Nota:
Фалес – древнегреческий философ и математик из Милета. Родоначальник истории европейской науки.

Татуировки

Если вдруг однажды
прочтёшь эти стихи
(твои, поскольку писал их тебе),
поразишься,
открыв ежедневные карты
собственной жизни,
вживлённые прямо мне в кожу…
И тогда ты мне скажешь,
в какой находимся точке.

До и после

Знал,
что моё ожиданье напрасно,
и всё же
ты мне дала
эту радость – ждать,
подбирать для тебя
по рангу слова
и, по крайней мере,
во временной пустоте
располагать
«до» и «после» …

Эта Любовь

Когда ты и я
дождёмся этой Любви,
(где, не знаю,
но только она придёт, я уверен),
заключим в объятья
всё бесполезное время
и наполним его
настоящими смыслами…
Станет «вечно» – «тогда»,
а все ожиданья
будут просто
другими исходными точками.

Восхождение

Я зажёг огоньки на каждой ступеньке:
один – за каждую ночь,
что осталась
до твоего возвращенья.

Счёт веду ожиданию
как восхождению.
Еженощно гашу один огонёк.

В темноте
заключу тебя
снова в объятья.

Моё главное волшебство

Приглядись получше:
есть и моя луна,
и мои деревья, и небо,
и улица:
ты уже видишь,

что бегу
одиноко
среди причудливых туч,
благородных елей –
их бальзамов и чар.

Повороты.
За каждым меняются окна чудес.
За последним – ты,
моё главное волшебство.

Может быть…

Если любишь,
не можешь сдержать
наружу стремящихся слов;
нет для них понятия
подходящего времени
или оказии:
тороплив Амур
и не ждёт
улыбок, цветов или слёз:
всё –
или ничего.

Всегда у порога,
поднимется кверху волна –
разобьётся,
опять возвратится,
чтобы жить иллюзией бесконечного
столько, сколько едина
с другою волной,
точно такою.

Таламусы

На одну и ту же линию горизонта,
разделившую где-то солнце и море,
присело раскалённое солнце,
а позже – луна
порозовевшая.
Точно так же и мы,
здесь,
с сообщницей-ночью.

Nota:
Таламус – от греч. камера, комната, отсек; иногда – зрительные бугры. Таламус – парная структура, состоящая из двух половинок, симметричных относительно межполушарной плоскости.

Молекулы

Рождены, чтобы делить орбитали:
для частиц Солнца
таламусы – слишком большие…
Потоки энергии катализируют их,
ордами диполей
притянувшись к противо-
положным стихам,
в разрешении,
но
непременно
объединённых
кистевидных соцветий
– неразличимых –
вроде наших жизней.

Nota:
Орбиталь – область наиболее вероятного местонахождения электрона в атоме или молекуле.

Будущее

У нас всё ещё есть
вполне вероятный шанс
смоделировать жизнь
в четыре руки
на поверхности времени,
нам представшего глиной, –
рисунком того, чего хотим непременно:
фрагментом нашего будущего.

Звёзды

Мой форштевень
разбивает волны
и стихами
засевает море;
разноцветные мои зонты от солнца
кверху дном расположились в небе;
мускулы натягивают кожу
мне – татуировкой,
видной лишь одной тебе.

Погоня за утопией – мои закаты,
желанья – непрестанный поиск звёзд:
увёл бы я тебя полюбоваться ими
в небо,
но всё равно
смотрел бы на одну тебя.

Спираль

Любовь – это круг:
возвращаясь в точку отсчёта,
замкнувшись,
исчезает
или снова восходит – подобно спирали:
значит, каждый виток
слегка ускоряет бег,
оставляя внизу
чуточку бед и дни,
когда любил безответно,
сожаления, вперемежку
с
«а помнишь, однажды, когда … ».

«Когда» – это всё же время,
которое я ищу в вышине,
и если спираль любви
не взнесёт меня в небо,
для обретенья тебя мне, в конце концов,
придётся допрыгнуть.

Мечта со смарагдовыми глазами

Мечта
со смарагдовыми глазами!
Сколько камней
у гор ты похитила?
Сколько зеркальных лучей –
у моря?
Красочных мыслей –
у зорь
и у сумерек?

Видишь вдали
изумрудное счастье,
для моих диоптрий –
непостижимое!
Для моей поэзии –
запредельное!

Матрёшки

Грусть за грустью –
внутри счастья сквозь слёзы:
как матрёшки – мы непостижимы…

Лишь тебе поверяю все
ежедневные радости и тревоги,
чтобы их у тебя было
чуточку больше,
чем прежде,
когда мы любили друг друга.

Мне хватило б…

Влюбиться снова –
пусть безответно,
на срок ожиданья,
и писать стихи
себе в утешение
для иного времени,
что уже наступает.

Когда мог,
посвящал их тебе,
но в канву вплести себя
не посмел.

Мне хватило б ключа-подсказки…

Светлячка,
указавшего б
путь.

Ароматных солнечных слов,
глаз – без слёз,
поцелуев – не на прощанье.

Времён – без вчерашнего дня –
на час,

уголков укромных
и мест.

Обычной песни:
пусть мне подскажет,
что́ –
это благо:
правда? иллюзия?

Страх…

Ароматом разлуки.
Промежутком для вдоха
между двумя поцелуями.

Сувенир-воскресенье

На руках, ласкавших тебя, –
твой аромат…
На моих губах
остался твой голос.
На пути,
которым в обратном порядке иду,
дали всходы наши с тобой поцелуи,
а ещё – волшебством, отрадой душе –
виньетка наших имён,
спаянных будущим.

Nota:
Сувенир – здесь: (фр.) воспоминание, память.

Ты – свобода

Ты пребудешь с тем,
кто бредит тобою,
причём –
непременно с улыбкой.
Это – твой закон
в любом пространстве и времени.
Оттого я безмерно счастлив
даже сейчас:
ты вдали, и всё-таки – рядом.

Будто летом

Цветы настоящими были,
равно как и волосы мне не приснились твои:
помню миг наслажденья
и тонкий твой профиль
на шёлке постели.

Я надел красный галстук, –
хотя духота стоит, будто летом, –
и сижу в ожиданье тебя,
приросший в парке
к скамейке.

Мне б тебе написать слова,
исполнив их бабочек, –
но похоже, что я растерял
те, что знал ещё прошлой весною.

Сновиденье

Словно нежность –
в музыке –
тема реки.
Под мостом –
дождевая вода
в колесе ветряка
журчит, исполняясь счастьем
вернуться в полёт
лишь на миг –
как тепло твоей кожи,
покинутой мною,
в моё стремится тепло –
будто зная,
что в снах тебя отыщу;
будто зная,
что письмам подобно,
прочтёшь меня до, во сне
или самим сновиденьем.

Жизнь за тебя. Скерцо

Любить тебя – дальний поход,
любить тебя – явная цель:
оглянувшись назад,
больше не вижу,
откуда мы тронулись в путь.
И всё это долгое время
я ни на миг не считал,
что ты стала моею,
что ты – была
и, возможно, даже прошла.
Каждый раз,
думая вновь о тебе,
каждый раз,
отражаясь
в радуге глаз твоих снова,
я всегда немного боюсь
тебя потерять,
а потом
становлюсь счастливее лишь оттого,
что сейчас ты здесь –
заполняешь всю мою жизнь без остатка.

Навсегда

Преодолимы
мосты,
потому что любил
и умею любить безмерно
и мечтаю тебя заключить
в объятия
в нашем новом времени,
в жизни моей
– и знаешь –
не только в это мгновенье.
Счёт обратный веду
бессонным ночам, часам,
когда мы, самозабвенно целуясь,
боимся прерваться, чтобы вдохнуть,
в поцелуе завтрашнем нашем –
первом или последнем.

Отпадают вопросы…

Первым входит дыхание света,
за ним появляешься в комнате ты.
И пока я смотрю на тебя с удивленьем,
взглядом скользишь по стенам,
вбиравшим мои вопросы,
пока пребывал я в печали.
И теперь не знаю,
как их задать,
но губы
слились в поцелуе…
Отпадают сомненья.

Афелий

Бел покров у луны…

В час,
когда ты была рядом,
мир подвергся затмению:
только тобой
любовались глаза,
и рождались стихи
– те же самые, –
что теснятся во мне,
когда ты возвращаешься
в свой афелий.

Nota:
Афелий – наиболее удалённая от солнца точка на орбите небесного тела, вращающегося вокруг него.

Прогулка

Было б неплохо рассказывать
нам о нас
и
воспарять
с каждым шагом,
находя друг в друге
невероятные сходства,
произнося слова-заготовки
или тысячу новых,
придуманных только-только
и вольных идти враскос.

Шпалы

Дни,
которые я не умею считать,
одинаково длинные,
но действительно – разные.
Соединяют
без устали
параллельные рельсы жизней
– наших с тобою, –
в мире бегущих
по морским лугам,
холмам,
мечтам
и вокзалам.

Слиянье времён

Который сейчас час
там, внутри твоего сердца?

Тот же самый, что и у меня,
потому что всегда
иду за тобою на запад,
чтоб вернуть себе
чуточку света –
потерянного,
когда я блуждал во тьме
и не знал,
что всё в твоём времени
было моею мистерией.

Поступки

Коронующие
переносных
деревянных идолов –
триумфаторов
в ходе процессии,
равно как и те,
кто подаст
настежь раскрытым
рукам и глазам
скипетр и хлеб, –
те и эти думают в тишине,
что последние
будут первыми –
но не прахом,
а вместе, здесь,
уже в этой жизни.

Персеиды

Алхимии – средь повседневности:
иллюзии – долгожданные
или засевшие в памяти
или во взгляде живущие
между светом, книгой
и звёздами,
средь бела дня упавшими
или в дождь, за облаками –
оттого неувиденными.

Загадай скорее желание!
Если с моим совпадёт,
я найду тебя.

Может быть…

однокрылые ангелы – мы:
чтоб могли летать,
обнимая друг друга.

Пожелание счастья

Время – это спираль:
оборот вокруг солнца
или любви;
безнадежно ушедший
теломерный участок –
устрашающий
преодолённый предел.
Пожеланья, сокрытые
в перламутровой раковине,
расширяемы –
для тебя и фамилии!

Nota:
Теломеры – концевые участки хромосом. Теломерные участки хромосом характеризуются отсутствием способности к соединению с другими хромосомами или их фрагментами и выполняют защитную функцию. Теломер – счётчик долголетия.

Ты…

ностальгия по морю,
по скрывшемуся за горизонтом сердцу,
соснякам под холмом,
уходящим внезапно в небо.

Ты –
в рассвете узеньких улиц,
ночью внимающих нашим словам;
в луне, отражённой в твоей улыбке,
пока превращаюсь в волну
на твоих губах.

Ты…

улыбка тебя,
уснувшей,
связавшая
ночь и рассвет,
твой вчерашний день и настоящее.

Когда солнце
пробьётся
сквозь шторы,
открой глаза
дню навстречу:
одари светом меня –
тебя писавшего спящей.

Ты…

апрельский вечер,
уже предвещающий мне ароматное лето;
день, который не станет вечером никогда,
потому что я
поцеловал тебя в сердце.

Ты –
умиротворённым садом
в пении книг
и соловьёв:
молчишь, улыбаясь глазами,
и знаю:
ты любишь меня в самом деле.

Ты…

надежда:
тебе вверяю себя
в ночи без сна,
в часы, когда день похищаю у времени,
и в пути:
на каждом шагу
ищу твою руку:

превращаешь меня в мужчину –
цельного, сильного,
способного двигать горы
и раскрывать объятья,
ум и сердце –
тебе,
полюбившей меня таким,
что делает меня лучше.

Ты…

красота,
идущая
и над густым туманом несущая солнце,
мощь объятий и сердце,
обновляющий день,
ореол новой мечты,
лучшее время.

Ты…

нежность
в недрах объятья,
растущая
ожиданием новой встречи,
пока хранишь меня в сердце.

Так
между до и после
ты пишешь время,
отмечая его в каждом дне,
в другом путешествии,
в настоящей улыбке.

Ты…

сердце, данное мне
для его умиленья,
шаг мой – чтобы показывать тропы
и тебя одну снаряжать в приключения;
чудо,
ступор –
чтоб отпускать на волю желание петь;
продрогший котёнок – чтобы согреть;
ожидание встречи – чтобы обнять тебя…

Рассвета последняя линия –
знак возвращенья.

Ты…

мечта,
прыжок,
поцелуй,
время – вечность и миг,
дерево,
ветка,
цветок,
семечко,
лёгкий жест,
год и месяц
или всего лишь день,
– всегда –
начало и завершение
каждой мысли.

Ты…

моя деревушка,
висящая на горе,
на краешке неба;
эмоции каждый раз
в перекрестье людей и улиц
– для тебя –
в убранстве цветов
вечного праздника.

Ты – как дом,
до и после
хранящий историю каждой жизни
в ожидании твоего приезда
и моего возвращенья.

Ты…

миндальный орех в цвету –
лепестков белизна, слегка отцвеченных
розовым,
настежь раскрытых
голубизне ожидания,
с пурпуром в сердце.
Новой весной
цветами вплетаешься в ветви
собственных мыслей – исключительно
светлых,
пока говоришь со мною…
Затем превращаешься в ступор.

Ароматный цветной миндальный орех,
мой сад наводняешь благоуханьем,
храня медовый нектар
для
поцелуев
и страсти.

За каждый несбывшийся мой поцелуй
завтра тебя поцелую
в каждый цветок.

Ты…

любопытный воробышек,
легче пёрышка-паруса,
с глазами, пленёнными миром, –
новым, огромным, красивым.

Каждая туча теперь – прыжок,
вписавшийся в небо.

Если снова решишься лететь рядом со мною,
протяну тебе сердце и руку.

Ты…

красота,
в красоту превращаешь мир,
непорочность рассвета
с закатом;
мотылёк,
обживший розарии;
огонь в сердце поэта.

Pro memoria

Знаешь, что остаётся
мне после трудного дня?

Написать тебе
строфы любви
– ты прочтёшь их завтра, –
и я бы хотел, чтобы ты
была рядом;
смотреть, как ты дышишь –
в фрагменте стиха или целой поэме.

Пишут, чтобы не умереть,
сумасшедшие,
или, может, – банально – запомниться;
в рифме
друг друга искать и прощать,
может быть, для того,
чтобы больше не разучиться любить.

Nota:
Pro memoria – (лат.) напоминание, памятное письмо, узелок на память. Крылатое выражение Pro memoria используют для татуировки.

Баста!!!

Кто-то скажет Патеру,
флорентийцу-поэту,
что достал он самодовольными виршами…

Что постит нечёткие селфи,
ноги, к морю простёртые,
остроты Конфуция,
позитивный анфас,
красивый античный парусник,
тату – на спине,
группу бражников
после
аперитива;
кота, поющего
собственный стих – самой Паузини,
Покемонов, взращённых
стаей кретинов,
рыбу, вино, десерт – согласно рецепта,
боль-гримасу, сработанную депилятором…

Что угодно, короче, –
но хватит нытья!
Есть предел у диаметра сфер
и зеведеев.

Nota:
Зеведей (буквально: дар Божий) – галилейский рыбак, отец апостолов Иакова и Иоанна.

Ступор безмолвия

В 2013 году в первой книге поэзии «Принимать после еды» я отметил: «Человек пишущий непременно надеется, что его слова сбудутся красотой в глазах и сердцах читателя.

Два стихотворения в день на протяжении месяца помогут преодолеть ежедневные перипетии, однозначно не вызвав побочных эффектов».

В 2018 году, после нескольких лет «поэзо-терапии», в книге «Побочные эффекты», к сожалению, я был вынужден признаться, что это – не так.

Фердинанд Патерностро

Nota:
DA ASSUMERE DOPO I PASTI, Youcanprint, 2013.
EFFETTI COLLATERALI, Masterbook, 2018.

Содержание

Красота 5
Ветры запада 6
Майское море 7
Pharmakon 9
Полёт 10
Лето 11
Слово 12
Claire de lune. Лунный свет. Quasi fantasia ... 12
Мирт и мёд 14
Поиск 15
Твоя аура 16
Этой ночью 17
Грань 18
И придёт весна… 20
Прозрачность и призрачность 21
Констатирую факт 22
Ты уходишь, я остаюсь 23
Sanctificetur 24
Жизнь без остатка 25
Снятие с креста 26
Ожидание… 27
Шабнан (Роса) 28
Роза 29

Белая роза 30
Слова 31
Ожиданье 32
Чтобы быть уверенным 33
Быть твоим зеркалом… 34
Твоё время 35
Sublime 36
Чудак 37
Я хотел бы… 38
Я мечтаю упрямо 40
Целовал я... 41
Мера блага 42
Ночь 43
Рубашка 44
Вспышки света 45
Волна 46
В этот вечер 47
Цапля 48
«Пусть улыбка...» 49
Верю 50
Дельфины 51
Скульптор-ты. Скерцо 52
Будут тщетно искать нас 53
Наше время 54
Рифма 55

Слова 56
Словно этот стих… 57
На рассвете 58
Медитируя… 59
Из любой точки мира 60
Расстоянья 61
После грозы 62
Стихи – вместо улиц… 63
Оригами 64
Моя Пенелопа 65
Пенелопа 66
Новый Улисс 67
Концерт в Гоффредо 68
Пробуждение 70
Земля 71
Странник 72
Где-нибудь в планетном пространстве ... 73
Завтра мне доверишь 74
Чтоб любить тебя крепче… 75
На крыльях любви 76
«Говорят, будто глаз...» 77
Расстоянье 78
Ради каждого... 79
О себе – полушёпотом… 80
Вояж 81

Художник 81
Аксиома 82
Стих – пустой иль полнокровный 83
Доброй ночи... 84
Совершенное счастье 85
Осень 86
Мгновенье 88
В объятьях друг друга 90
Совпадения 91
Происшествие 92
Скажу тебе, счастлива ль ты… 93
Из всего, что было 94
Вопросы 96
В ожиданьи героя 97
Молящий твоей любви 97
Никогда не вернёшься 98
Le cri du Coeur 99
Ты – во всех временах 100
One Way 101
Я любил… 102
Счастье, которое ищешь 103
Нюанс 104
Слово счастья 105
Твоё тело 106
Моя женщина 107

Звезда 108
Не дай Бог… 109
Квантовая запутанность 110
Мне тебя не хватало… 112
В воздухе 113
Ночью 114
Par avion 116
Пастели 117
Параллакс 118
Дождь в сентябре... 120
Я богат… 121
Топогнозия 122
Все в сад! 123
Безумец 124
Withorwithoutyou… 126
Паладин. Скерцо 128
Иногда 129
Есть в мире уголки 130
Наслаждение 131
Птица Феникс 132
Без тебя 133
Любая женщина… 134
Слова из будущего 135
Ранящие слова… 137
Неоконченные стихи… 138

Только тебе 139
Взявшись за руки 140
Фалес 141
Татуировки 142
До и после 143
Эта Любовь 144
Восхождение 145
Моё главное волшебство 146
Может быть… 147
Таламусы 148
Молекулы 149
Будущее 150
Звёзды 151
Спираль 152
Мечта со смарагдовыми глазами 153
Матрёшки 154
Мне хватило б… 155
Мне хватило б ключа-подсказки… 156
Страх… 157
Сувенир-воскресенье 157
Ты – свобода 158
Будто летом 159
Сновиденье 160
Жизнь за тебя. Скерцо 161
Навсегда 162

Отпадают вопросы… 163
Афелий 164
Прогулка 165
Шпалы 166
Слиянье времён 167
Поступки 168
Персеиды 169
Может быть… 170
Пожелание счастья 171
Ты… 172
Ты… 173
Ты… 174
Ты… 175
Ты… 176
Ты… 177
Ты… 178
Ты… 179
Ты… 180
Ты… 181
Ты… 182
Ты… 183
Pro memoria 184
Баста!!! 186
Ступор безмолвия 188

Выпускные данные

+

Фердинанд Патэрностро

PRO MEMORIA
Поэзия

Составитель Ольга Равченко

Авторизованный перевод
с итальянского языка
Ольги Равченко

Литературный редактор
Галина Гатальская